

ЛЮБОВЬ
ТАЙНА
ИНТРИГА

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ВУАЛЬ ИЗ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Вуаль из солнечных лучей

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербина В.

Вуаль из солнечных лучей / В. Вербина — «Эксмо»,
2017 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-98258-5

Сотрудница особой службы Его Величества баронесса Амалия Корф не любила работать на другие ведомства. Но что поделаться, если о помощи ее попросил сам резидент российской разведки во Франции! Амалия получила более чем странное задание: проследить, как умрет гениальный химик виконт де Ботранше. Сомнений в неминуемой гибели ученого на дуэли от руки британского агента полковника Уортингтона ни у кого не было. Однако случилось непредвиденное – Ботранше одним выстрелом уложил бывалого вояку Уортингтона! Неожиданная развязка, но задание Амалии выполнено, и, казалось бы, можно забыть об этом странном деле, но не тут-то было. Эта необычная дуэль повлекла за собой множество последствий – пропал напарник баронессы, и ей пришлось участвовать в его поисках, в ходе которых Амалия неожиданно для себя весьма близко познакомилась с братом убитого полковника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98258-5

© Вербина В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерия Вербина

Вуаль из солнечных лучей

Глава 1

Особое поручение

– Значит, вы отправляетесь в Мадрид, госпожа баронесса? – спросил Осетров.

– Согласно полученному мною предписанию, – отозвалась его собеседница.

– И вы покидаете нас... – Осетров сделал вид, что припоминает, – через три дня, если я не заблуждаюсь?

Амалия бросила быстрый взгляд на человека, сидящего напротив нее в посольском экипаже. Не то чтобы баронесса Корф насторожилась, но она отлично знала, что резидент российской разведки во Франции не принадлежал к числу людей, которые станут растрачивать время на ничего не значащие любезности. Его вопросы явно преследовали какую-то цель, но какую именно?

– Вы никогда не заблуждаетесь, милостивый государь, – промолвила Амалия с улыбкой.

Осетров слегка наклонил голову, словно показывая, что принимает комплимент. Романист классической школы потратил бы немало эпитетов, описывая внешность резидента – его изборожденное морщинами лицо, чем-то неуловимо напоминающее грецкий орех, тщательно зачесанные назад черные волосы с редкими седыми нитями, черные усы и черные же пронизывающие глаза. Романист-романтик непременно отметил бы, что Осетров выглядит старше своих лет, и почти наверняка предположил бы, что виной тому неудачная страсть. Человек с воображением легко мог бы принять резидента за поэта, отказавшегося от стихов ради надежного куска хлеба, а человек, воображения лишенный, увидел бы лишь обыкновенного господина то ли под пятьдесят, то ли за пятьдесят, щегольски одетого и поигрывающего дорогой лакированной тростью. Что же до внешности собеседницы Осетрова, то все романисты на свете сошлись бы в том, что она хороша собой, – хотя, возможно, иные романистки не преминули бы заметить, что встречаются на свете красавицы помоложе и поинтереснее. Амалия была светловолоса, пленительна, и в янтарных глазах ее то и дело вспыхивали золотистые искорки. Серо-голубой костюм баронессы поражал элегантностью линий, и любая дама из общества сразу же определила бы, что его шила первоклассная портниха. Из украшений на Амалии была только брошь в виде корзинки с семью цветами, украшенная мелкими драгоценными камнями.

– Я почти уверен, что Мадрид вам понравится, – промолвил Осетров, не сводя с собеседницы испытующего взгляда. – У него много общего с Парижем, хотя с точки зрения архитектуры он смотрится более... провинциально, что ли.

– Вряд ли у меня будет время на осмотр достопримечательностей, – вполголоса вернула Амалия, и глаза ее при этом сверкнули.

– Разумеется, разумеется, – добродушно кивнул резидент. И без перехода: – Поскольку вы, сударыня, задерживаетесь в Париже, я рассчитываю на ваше содействие в одном пустяковом дельце. Обещаю, оно не потребует от вас ничего особенного.

У Амалии заняло под ложечкой. Она слишком хорошо знала, какие просьбы – точнее, приказы – могут последовать за столь многообещающим вступлением, и слова вроде «пустяковый» и «ничего особенного» не могли ввести ее в заблуждение. Разумеется, она имела право отказаться на том основании, что Осетров не являлся ее начальником, но по неглас-

ным правилам Особой службы, к которой принадлежала Амалия, другие секретные службы могли в случае необходимости привлекать особых агентов. Правда, для этого требовалось, во-первых, согласие самого агента, а во-вторых, чтобы он был в данный момент свободен. Если агент сомневался, он мог запросить мнение своего начальства, но на практике такое случалось не слишком часто, потому что сотрудничество помогало налаживать полезные связи, которые в один прекрасный (или не очень) день могли весьма и весьма пригодиться. Амалия знала Осетрова давно, знала и то, что он не станет просить о помощи просто так, и неудовольствие, которое она испытывала, было связано главным образом с тем, что она рассматривала остановку в Париже как передышку перед мадридским заданием. По сути, баронесса Корф оказалась не готова к подвоху – точнее, к тому, что и здесь не смогут обойтись без ее талантов.

– Надеюсь, дело, о котором идет речь, не заставит меня отложить поездку в Мадрид? – мягко спросила баронесса, покачивая туфелькой. – Генералу Багратионову не понравится, если я прибуду в Испанию позже, чем написано в инструкции.

Генерал, о котором шла речь, уже много лет возглавлял Особую службу и являлся начальником Амалии.

– Сударыня, мое поручение никак не повлияет на сроки вашего путешествия, иначе я не стал бы вас просить, – усмехнулся Осетров. – Беда в том, что все мои парижские агенты сейчас заняты, поэтому я вынужден обратиться к вам.

Амалия метнула на собеседника загадочный взгляд.

– Я слышала, что Сергей Васильевич Ломов вернулся из Лондона, – уронила она со значением.

– Нет, нет, – поспешно ответил Осетров, – Ломов не подходит. Мне нужны именно вы.

– Хорошо, – сказала Амалия, откинувшись на спинку сиденья. – Что именно я должна сделать?

– Я хочу знать, как умрет виконт де Ботранше. И вы выясните это для меня.

Тут, признаться, баронесса Корф на несколько мгновений утратила дар речи, а Осетров меж тем неторопливо продолжал:

– Как видите, сударыня, дело и в самом деле пустяковое, хотя... Кстати, – перебил он сам себя, – вам известно, кто такой виконт де Ботранше?

– Нет, – сухо ответила Амалия, откашлявшись. – Мне ничего не известно об этом господине.

– В таком случае, я полагаю, будет нелишне сказать о нем пару слов. Пьер-Александр-Ксавье де Ботранше был поздним ребенком. Когда он родился, старший из его братьев был уже женат. Младенец появился на свет с бесчисленными осложнениями и казался очень слабым, так что доктора в один голос уверяли, что он не выживет. – Осетров вздохнул и выдержал крохотную паузу. – Сейчас Пьеру уже 32, и он пережил трех своих старших братьев. Занятно, не правда ли?

– Не уверена, – ледяным тоном отозвалась Амалия.

– Впрочем, докторов тоже можно понять: ребенком Пьер постоянно болел и большую часть своего времени проводил в постели. Он рано научился читать и писать и читал подряд все, что попадалось ему под руку. Друзей у него не было, в игры он не играл и вообще редко покидал стены родного замка, потому что любой, даже самый пустячный сквозняк приводил к серьезной простуде. Словом, нет ничего удивительного в том, что книги заменили Пьеру все на свете. Однажды в руки ему попал курс элементарной химии, который, само собой, был рассчитан вовсе не на маленького ребенка. Однако Пьер прочитал его и загорелся химией. Он потребовал достать ему еще книг по этому предмету и прочел их все. Он устраивал всевозможные опыты и увлекся настолько, что даже писал по ночам на простынях химические формулы, когда под рукой не оказывалось бумаги. Теперь, госпожа баронесса, как я уже ска-

зал, виконту де Ботранше 32 года, и он вполне официально признан одним из крупнейших химиков Франции.

– А неофициально? – спросила Амалия, которая слушала своего собеседника очень внимательно.

– Неофициально он просто лучший, – ответил Осетров без намека на улыбку, – и если я вам так говорю, значит, так оно и есть. – Резидент немного помедлил перед тем, как произнести следующую фразу: – Как по-вашему, чем грядущие войны будут отличаться от тех, которые тысячелетиями вело человечество?

– Ну, например, тем, что они еще не начались, – съязвила Амалия.

– Нет, я о другом. Грядущие войны, сударыня, будут сражением умов, и чем дальше, тем больше. Собственно сражения людей отойдут на второй план... хотя, разумеется, полностью без них мы обойтись не сможем. Однако исход войн будут решать умы, и химики наверняка окажутся в их числе.

– Такие, как виконт де Ботранше?

– Разумеется. Мы совершенно точно знаем, что среди прочего он работает над проектом для французской армии. Конечно, сам проект строго засекречен, но его значение уже ни для кого секретом не является. Благодаря одному виконту де Ботранше, точнее, его работам, Франция может получить серьезный военный перевес.

– И именно поэтому он должен умереть? – мрачно спросила Амалия, которая обладала способностью схватывать на лету.

– Да, именно так кое-кто и решил, – с убийственной серьезностью ответил Осетров. – Чтобы Франция не получила решающего военного преимущества.

Амалия уже открыла рот, чтобы весьма ядовито заметить своему собеседнику, что она не считает себя подходящей кандидатурой для выполнения таких заданий, тем более что в Париже сейчас находится столь блистательная личность, как Сергей Васильевич Ломов, которому убить кого угодно – все равно что раз плюнуть; но тут Осетров удивил ее вновь.

– Как я уже говорил, у виконта неважное здоровье, и с годами оно не сделалось лучше. Обычно он живет и работает в своем пиренейском замке, но изредка ему все же приходится наведываться по делам в Париж. Кажется, я не упоминал, что виконт – поклонник оперы, и когда он приезжает в столицу, то обязательно посещает какое-нибудь представление. Так получилось, что позавчера виконт столкнулся в антракте с английским военным по фамилии Уортингтон. Зашла речь об одной из певиц, кто-то усомнился в ее таланте, слово за слово, и последовала ссора, а за ней и вызов на дуэль, которым виконт как дворянин и человек чести пренебречь не может. Завтра на рассвете наш безобидный химик и Уортингтон стреляются в Булонском лесу.

– Позвольте, – медленно проговорила Амалия, – это тот самый Уортингтон, которого еще зовут полковником? Британский агент, который пулей пробивает на лету подброшенную монету?

– Он, – кивнул Осетров. – И как вы понимаете, он совершенно случайно оказался в опере именно тогда, когда там находился виконт де Ботранше, и повздорил с ним тоже совершенно случайно. Кругом сплошные случайности, из которых торчат белые нитки... но следует отдать должное этому господину, для достижения своей цели он избрал самый надежный путь. Дуэль не считается убийством, и если общество и порицает ее, то больше для виду.

– У меня в голове не укладывается, – призналась Амалия после недолгого молчания. – Но ведь англичане и французы – союзники! Зачем же подсылать Уортингтона к этому бедолаге?

– Ах, госпожа баронесса, быть союзником англичан – это все равно что червяку быть союзником рыбака, – хмыкнул Осетров, и его черные глаза насмешливо блеснули. – Не забывайте, что мы говорим и о наших союзниках тоже, коль скоро мы оказались с ними в одной

лодке¹. Впрочем, случай с виконтом очень хорошо показывает, насколько можно им доверять.

Амалия задумалась.

– Скажите, какие у виконта шансы против полковника? – спросила она.

– Ни о каких шансах, сударыня, не может быть и речи, – мгновенно ответил Осетров. – Виконт имел дело с порохом только с точки зрения химии, а сам в руках оружие никогда не держал. Насколько мне известно, его секунданты сняли на сегодня тир и пытаются научить беднягу стрелять, но вы сами понимаете, что это значит. У виконта де Ботранше нет времени, и он обречен.

– Очень жаль, – сказала Амалия, волнуясь. – Если правда то, что вы сказали о его талантах, речь идет о выдающейся личности, и... и такой человек не должен умирать так глупо. – Неожиданно ее осенило. – А может быть, он в последний момент откажется от дуэли?

– Нет, – покачал головой Осетров. – Забудьте об этом. Виконт человек крайне щепетильный, для него честь – не пустой звук. Конечно, он будет стреляться. И если не произойдет чуда, Уортингтон его убьет.

– Допустим, все так и будет, – с неудовольствием промолвила Амалия, которую уже начал утомлять этот разговор. – Но чего, собственно, вы хотите от меня?

– Вы должны приехать в Булонский лес на место дуэли так, чтобы вас не видели, но вы могли видеть все, что там происходит, – ответил Осетров. – После того как дуэль завершится, вы составите для меня письменный отчет об увиденном. Он потребуется мне для отправки в Петербург, где смерть виконта наверняка многих заинтересует. – Резидент позволил себе намек на улыбку и добавил: – Как видите, сударыня, я не лгал, говоря о том, что задание не представляет особых сложностей.

Он был прав – и все же баронесса Корф чувствовала сильнейший внутренний протест при мысли о том, что ей, в сущности, придется выступать свидетелем хладнокровного убийства. Однако при всех своих человеческих качествах Амалия была достаточно профессиональна, чтобы сразу заметить в словах собеседника слабое место.

– Милостивый государь, – с досадой промолвила она, – кажется, вы запомнили, что Булонский лес огромен. Мне надо точно знать, где именно виконт и Уортингтон будут стреляться.

– У меня еще нет этих данных, секунданты держат рты на замке, – спокойно проговорил Осетров. – Однако я предпринял кое-какие меры и смею вас заверить, что сегодня вечером я буду знать точное место дуэли.

– Значит, завтра мне придется рано вставать, – вздохнула Амалия. Она принадлежала к числу тех людей, которые не прочь понежиться в постели подольше. Другое дело, что жизнь редко предоставляла ей подобную возможность.

Однако баронессе не давал покоя еще один вопрос.

– Как, по-вашему, – начала она, прищурившись, – мсье Ашар в курсе?.. Ведь если вы правы и виконт имеет для Франции такую ценность, подразделение Ашара должно обеспечивать его безопасность.

– Ашар – напыщенный самолюбивый осел, – отрезал ее собеседник. – Разумеется, он не может не знать о Уортингтоне, это входит в его обязанности. Вопрос в том, что он может предпринять. По моим сведениям, он горячо пытался отговорить виконта от дуэли, ничего не добился и сел составлять записку начальству. Он обожает строчить длинные рапорты с множеством несущественных подробностей, – наябедничал Осетров, стиль которого можно

¹ Речь идет о военном союзе между Францией, Британией и Россией (Антанта, или «Сердечное согласие») в противовес альянсу Германской и Австро-Венгерской империй.

было охарактеризовать как «все, что нужно, и ничего лишнего». – Уверен, когда де Ботранше убьют, Ашар патетически воскликнет: «Ах! Я же предупреждал! Бедная Франция!», может быть, даже уронит слезу и преспокойно отправится обедать. По-настоящему Ашара волнуют только две вещи на свете: его желудок и его родные, а если какой-то виконт за 32 года жизни толком не научился стрелять, это уже его проблемы, но никак не Ашара.

– Возможно, – уронила Амалия. – Только вот, если лучшего химика Франции убьют, Ашар может потерять работу. А своим местом он очень дорожит.

– О сударыня, – протянул Осетров, и его глаза зажглись, – если Ашар найдет способ, как избежать дуэли, я только буду рад. Не думайте, что у меня нет сердца – виконт мне очень симпатичен, как человек, который сумел преодолеть свои недуги и в одиночку добился столь поразительных результатов. Однако вам не стоит забывать, что наше дело – наблюдать, но не вмешиваться. Завтра я жду от вас отчет о дуэли. Если Уортингтон убьет виконта, так и напишите. Если же дуэль не состоится – например, Уортингтон выпадет из экипажа и сломает себе шею, тоже так и напишите.

– С чего бы полковнику вдруг ломать себе шею? – спросила Амалия.

– Ну, мало ли, – туманно отозвался Осетров, косясь на собеседницу. – Жизнь вообще непредсказуемая штука, мало ли что может произойти? И даже с самым подготовленным наемным убийцей, – добавил он, усмехнувшись.

Амалия почувствовала, как у нее заныл висок. Она условилась со своим собеседником о том, каким образом он сообщит ей о точном месте дуэли, и попросила остановить карету на улице Риволи.

Впрочем, сегодня ей предстояла еще одна встреча. Поразмыслив, Амалия решила, что нелишне будет спросить совета у одного из своих коллег. Тем более что человек, которого она хотела увидеть, именно сейчас находится в Париже.

Глава 2

Целительные свойства простого кирпича

– Вы правы, виконт де Ботранше является персоной национального масштаба, – сказал Сергей Васильевич Ломов. – И конечно, Ашар допустил ошибку, когда позволил англичанину вызвать виконта на дуэль. Однако, госпожа баронесса, вы должны понимать, что в этом деле пересекаются сферы нескольких служб, и, к примеру, контрразведку Ашар все же не контролирует.

– Думаете, всему виной контрразведка? – спросила Амалия.

– Ну это все-таки их работа – своевременно узнать, для чего такого типа, как Уоррингтон, отправляют во Францию. – Сергей Васильевич поморщился. – Полковник вовсе не Красная Шапочка, и его репутация в наших кругах отлично известна. Тем не менее ему беспрепятственно позволили прибыть в Париж, после чего он явился в оперу и разыграл спектакль, суть которого вам уже изложили.

Амалия задумчиво кивнула. Ее нынешний собеседник считался отставным военным и выглядел как типичный отставной военный. В толпе он ничем не привлекал взгляда, но даже вне толпы мало кто обратил бы на него внимание. Тем не менее он являлся коллегой баронессы Корф по Особой службе, и хотя Амалия прекрасно сознавала его недостатки – к примеру, отсутствие гибкости, – он был бы первым, кого в случае нужды она бы взяла в напарники и кому она доверила бы свою жизнь.

– Господин Осетров полагает, – негромко заметила баронесса, – что дуэль может и не состояться.

– Ну кое-кому этого бы очень хотелось, – рассудительно отозвался Ломов, – потому что, если она состоится, виконт – труп, а Ашар почти наверняка теряет свое место.

– А если полковник выпадет из экипажа, сломает себе шею и не доживет до дуэли...

– Ну зачем такие сложности, сударыня, – оживился Сергей Васильевич, – простые методы – самые надежные. Например, гулял человек по Парижу, напал на него грабитель и отнял жизнь вместе с кошельком... удар кирпичом, и готово. И все проблемы Фелисьена Ашара решены.

– В конце концов, он не виноват в том, что для одинокого иностранца Париж полон опасностей, – в тон собеседнику отозвалась Амалия, очаровательно улыбаясь.

Ломов поскущел.

– Да, но только иностранец, о котором мы говорим, особой породы. Не будет он гулять перед дуэлью по улицам и подставляться тоже не будет. – Сергей Васильевич дернул щекой. – Я уж молчу о том, что его секунданты, Хобсон и Скотт, обязаны заботиться о том, чтобы с ним ничего не случилось.

– Вы даже имена секундантов знаете? – удивилась Амалия.

Ее собеседник на мгновение смешался, но только на мгновение.

– Я знаю многое из того, что касается Уоррингтона, – ответил он с такой недоброй усмешкой, что его собеседнице инстинктивно захотелось отодвинуться. – Полковник уже не первый год занимается устранением неугодных королеве людей, и пока что шею он себе не сломал, и никто его в темном углу не подстерет. Ему отлично известны методы противника, и ошибок он не допускает. Что Ашар может против него предпринять?

– Как насчет яда? – подала голос Амалия.

– Да ну, глупости, – отмахнулся Ломов. – Конечно, он сделал все, чтобы исключить такую возможность: ест в посольстве либо в другом проверенном месте. Нет, ядом нашего англичанина не возьмешь.

– Может быть, несчастный случай на улице?
– Маловероятно. Уверен, что Хобсон и Скотт не отходят от него ни на шаг, а в таких условиях организовать несчастный случай весьма проблематично.

Амалия задумалась.

– А прямое убийство? Как по-вашему, Ашар способен на него пойти?

– То есть Уортингтон с секундантами идет по коридору гостиницы, и в него кто-то стреляет?

– Хотя бы так.

– Хм, – сказал Ломов, насупив свои лохматые брови. – Топорно, но... Если Ашар дорожит своим местом, он может пойти и на крайние меры. Беда только в том, что англичане почти наверняка захотят... э... ответить симметрично на своей территории, а это уже слишком многое ставит под удар. – Он пытливо всмотрелся в лицо Амалии. – Вы что-то придумали, госпожа баронесса?

– Все будет очень просто, – объявила Амалия в порыве вдохновения. – Уортингтону подбросят труп и обвинят в убийстве. Он арестован, дуэль не состоится, а виконт тем временем уедет в свой пиренейский замок. Когда я говорю о трупе, – продолжала баронесса Корф, оживляясь, – я имею в виду, что это необязательно будет тело, но уж точно нечто такое, что позволит скомпрометировать полковника и посадить его под замок. Вы понимаете, о чем я?

– Фальсификация, – меланхолически кивнул Ломов. – А вы знаете, Амалия Константиновна, не исключено, что вы окажетесь правы. Мсье Ашар – мастер комбинаций такого рода.

– Кое-кто из наших, – не удержалась баронесса, – считает Ашара напыщенным самолюбивым... господином.

– Конечно, он самолюбив, – тотчас же ответил Ломов, – но его самолюбие... как бы сказать... оно не вредит другим его качествам. В 1870 году Ашар пошел на войну добровольцем и проявил исключительную храбрость – заметьте, на войне, которая закончилась позорнейшим из поражений². Он, конечно, с виду смахивает на колобка, но это боевой колобок, и так просто он не сдастся. В деле с Уортингтоном контрразведка крупно подставила Ашара, и теперь у него мало возможностей для маневра. Как он может спасти положение – да хотя бы так, как вы сказали. Впрочем...

– Что? – спросила Амалия, от которой не укрылись колебания ее собеседника.

– Боюсь, сударыня, я не обрадуюсь, если Уортингтона обвинят в убийстве, которое он не совершал, да еще в придачу отрубят ему голову, – усмехнулся Сергей Васильевич.

– Думаю, до гильотины дело не дойдет, его просто вышлют.

– Я уж молчу о том, что Ашару надо будет как-то организовать жертву, то есть убивать постороннего человека.

– Ну, Сергей Васильевич, вы же понимаете, что труп, о котором я веду речь, чисто условный. Имеется в виду нечто, что позволит арестовать Уортингтона и отменить дуэль.

– Разумеется, но в реальности вы не можете предъявить серьезных обвинений за украденный кошелек, например. Уортингтона нужно не просто арестовать, а исключить всякую возможность того, что он выйдет из-под стражи в ближайшее время. Значит, преступление должно быть тяжким, и значит, вы правы, говоря об убийстве... Вы дурно на меня влияете, сударыня.

– Простите?

– Я терпеть не могу ни на чем не основанные предположения и всякие «если бы», – сухо промолвил Ломов. – Вот уже битых полчаса мы с вами обсуждаем Уортингтона, Ашара и виконта, которому в недобрый час приспичило отправиться в оперу, где он благополучно

² Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 годов, завершившаяся полным разгромом Франции и утратой областей Эльзас и Лотарингия.

проиграл свою жизнь. – Судя по тому, как энергично Сергей Васильевич произнес слово «проиграл», он изначально намеревался сказать нечто куда более резкое, но остался в литературных рамках из уважения к собеседнице. – А ведь на самом деле нам мало что известно о происходящем.

– Позвольте с вами не согласиться, Сергей Васильевич. Мы знаем, что жизнь виконта имеет для Франции большую ценность. Мы знаем, что Ашар так или иначе отвечает за нее... Мы также знаем, что виконт не умеет стрелять, а Уортингтон, напротив, стреляет очень даже хорошо. В этих условиях напрашивается вполне логичный вопрос: что может сделать Ашар, чтобы дуэль не состоялась?

– Очень многое, – отозвался Ломов, и по выражению его лица Амалия поняла, что ее коллега готовится сказать нечто язвительное. – Он может, к примеру, помолиться, чтобы сегодня вечером в полковника ударила молния.

– Сергей Васильевич...

– Ну да, ну да, мы только что обсуждали, как можно устранить Уортингтона или подставить его. Хобсон и Скотт, сударыня, Хобсон и Скотт. – Ломов со значением поднял указательный палец, его правую щеку перекошил легкий нервный тик. – Верьте мне, они сделают все, чтобы полковник добрался до места дуэли целым и невредимым, а коль скоро он явится в Булонский лес, виконту крышка. Вы тут говорили о трупке, о том, что Уортингтона могут обвинить в убийстве и арестовать до дуэли. Все взвесив, я все-таки не вижу, каким образом Ашар провернет это дельце. Убить кого-то – кого? – подбросить тело так, чтобы никто не заметил, а ведь тело – не иголка, перемещать его с места на место вовсе не просто. И мало этого: надо выбрать жертву таким образом, чтобы в виновность Уортингтона поверили, чтобы у него не было шансов оправдаться, чтобы никто не мог подтвердить его алиби... Понимаете, к чему я клоню? Сплошные сложности, сударыня, причем на каждом шагу.

– Хорошо, – сказала Амалия. Она умела уступать, но также умела пользоваться этим, чтобы поставить человека в тупик. – Вы считаете, что Ашар будет сидеть сложа руки?

– А вот тут мы возвращаемся к тому, что на самом деле нам ничего толком не известно, – отозвался Ломов. – Может, на место виконта де Ботранше кто-то метит, и Ашар взялся это место расчистить. Может, Ашар в глубине души мечтает об отставке или переводе на другую работу, и ему плевать, жив виконт или мертв. Может, мы зря грешим на контрразведку и Ашару доложили о цели приезда Уортингтона, но он ничего не сделал, потому что его банально подкупили. Мне ли говорить вам, сударыня, что в нашей работе все может оказаться не таким, как кажется. Нельзя сбрасывать со счетов и такие человеческие качества, как разгильдяйство и лень, из-за которых происходит больше катастроф, чем из-за намеренного вредительства. И даже если предположить, что Ашар честный служака и что он действительно из кожи вон лезет, чтобы предотвратить дуэль, я не вижу, что он может противопоставить Уортингтону.

– Полковник настолько серьезный противник?

– О да. Мы с товарищем имели когда-то несчастье с ним столкнуться, – признался Ломов сквозь зубы, и снова нервный тик перекошил его щеку. – Моего напарника полковник убил, а меня тяжело ранил. Если я расскажу вам, как мне удалось тогда выкарабкаться, вы решите, что я сочиняю. Позже я не пересекался с Уортингтоном, но скажу вам честно: если бы не правило, которое строго-настрого запрещает нам на службе сводить личные счета, я бы его убил.

Так вот, значит, почему Осетров не хотел привлекать Сергея Васильевича – даже в качестве наблюдателя чужой дуэли.

– Теперь вы понимаете, сударыня, что я не могу быть объективным, – продолжал Ломов, недобро скалясь. – Как, кажется, и вы. У меня возникло впечатление, что вы сочувствуете виконту, потому что он талантлив и потому что он обречен. – Амалия вспыхнула, но

ничего не сказала. – А я не хочу, чтобы Ашар или кто-то из его людей прикончил Уортингтона. Я сам убью полковника, когда придет час.

– Если вам повезет. – Амалия все-таки не смогла удержаться от колкости. – Вы же сами говорите, что Уортингтон – опасный противник.

– Да, сударыня. И именно поэтому я не завидую мсье Ашару и уж тем более не завидую виконту де Ботранше. Надеюсь, у него хватило ума написать завещание – по правде говоря, его наследники хоть сейчас могут приступить к дележке имущества.

Разговор с Ломовым оставил у Амалии неприятный осадок. Все было предрешено – гибель виконта, который мог бы совершить еще множество научных открытий, и торжество человека, которого язык не поворачивался назвать иначе, чем злодеем. Амалия достаточно знала о Фелисьене Ашаре и не испытывала к нему ни малейшей симпатии, но сейчас ей больше всего на свете хотелось, чтобы он нашел какой-нибудь выход и сумел одержать верх над Уортингтоном.

Ночью баронесса Корф ненадолго забылась сном. Она проснулась очень рано и сразу же вспомнила, что ей предстоит ехать в Булонский лес, куда ее должен отвезти присланный Осетровым кучер. Воздух был прозрачен и чист, чувствовалось, что день будет ясным. Париж еще спал, его широкие улицы были восхитительно пустынно. Когда коляска ехала по набережной Тюильри, Амалия посмотрела на зеленые воды Сены и подумала, что та будет течь точно так же через час, когда виконта де Ботранше не станет. На сиденье рядом с баронессой лежал бинокль, который она захватила с собой. Из-за того, что Амалия не выспалась, она чувствовала себя не в своей тарелке, и в то же время ее охватила странная апатия. Она ничего не могла поделать и желала лишь, чтобы все поскорее кончилось.

В Булонском лесу ее коляску обогнала карета с гербом на дверцах. Амалия повернула голову и встретила взгляд сидящего в карете молодого человека – темноволосого, в очках и с бакенбардами, которые мало того что выглядели старомодно, но и прибавляли ему добрый десяток лет. Лицо одутловатое и не слишком примечательное, сбоку на шее довольно крупная родинка. Хотя баронесса Корф раньше не встречала виконта де Ботранше, она видела его фото и сразу же узнала сидящего в карете.

«Бедняга! Понимает ли он, что его ждет? Или обманщица-надежда, которая до конца не отпускает свои жертвы, постаралась и тут?..»

Амалия не считала себя сентиментальной, но она жалела виконта, и ее не оставляло ощущение несправедливости того, что должно было вот-вот произойти. Карета виконта скрылась в облаке пыли, а коляска Амалии свернула на перекрестке и, проехав несколько сотен метров, остановилась.

Велев кучеру ждать ее, баронесса Корф взяла бинокль и углубилась в кусты. Она собиралась незаметно подобраться к поляне, на которой должна была состояться дуэль, но не рассчитала время, которое уйдет на дорогу. Проплутав среди деревьев, которые норовили вцепиться своими сучьями в ее шляпку, а узловатыми корнями затрудняли ее движение, Амалия наконец услышала в отдалении голос с характерным английским акцентом: это полковник Уортингтон отказывался от перемирия. Солнце всходило над Булонским лесом, золотая листва. Кто-то из французов – должно быть, секундант – произнес ответные слова, которые унес ветер.

«Наверное, предложил приступить к дуэли, – смутно сообразила Амалия. – Сейчас секунданты напомнят правила, кто-то из них принесет ящик с двумя одинаковыми пистолетами, каждый из противников выберет свой...»

Она двинулась туда, откуда доносились голоса, но тут ее нога угодила в прикрытую прошлогодней листвой ямку, полную грязи и воды. В первое мгновение Амалии показалось, что она подвернула ногу, но оказалось, что баронесса лишь безнадежно загубила свой ботинок и вдобавок испачкалась.

«А, щучья холера! Да что же это такое...»

Выбравшись из ямы, Амалия сделала шаг в сторону и на сей раз увязла второй ногой в соседней яме, которая, само собой, образовалась тут не просто так, а со злокозненным намерением и ждала именно появления моей героини. Тут баронессе некстати пришло в голову, что если она подберется к дуэлянтам слишком близко, то может оказаться на линии огня и схлопотать пулю, и задание, которое дал Осетров, разонравилось ей окончательно.

Грязь чавкнула, отпуская ее ногу. Отойдя на несколько шагов назад, Амалия осмотрелась. В листве деревьев заливались птицы, солнечный луч заглянул в темный уголок чащи и осветил в нем верхушки трав и усеянную крошечными капельками росы паутинку, по которой сновал деловитый паучок. Соображая, как подобраться к дуэлянтам без ущерба для себя, Амалия неожиданно встретилась взглядом с белкой, которая притаилась на стволе дерева. Миг – и белка, махнув хвостом, со скоростью молнии промчалась вверх по стволу и скрылась из глаз.

Рукой в перчатке Амалия потрогала кору и машинально подумала, что высота дерева может существенно упростить жизнь того, кому вздумалось бы понаблюдать за происходящей в нескольких десятках метров дуэлью.

«Нет, я туда не полезу! Ни за что!»

Через несколько секунд баронесса Корф уже карабкалась на дерево, одновременно сражаясь со слишком узким подолом юбки и следя за тем, чтобы не уронить бинокль. Амалия никогда никому об этом не говорила, но мне совершенно точно известно, что на своем пути наверх эта очаровательная хрупкая особа вспомнила все русские, польские, французские, английские и немецкие ругательства, которые она знала, успев также прибавить к ним несколько крепких выражений собственного сочинения.

Тем не менее Амалия могла гордиться собой: когда она наконец устроилась на дереве, поляна, на которой была назначена дуэль, была видна как на ладони. В бинокль баронесса разглядела Уортингтона с его типично английским вытянутым лицом. Полковник казался настолько сосредоточенным и в то же время настолько уверенным в своих силах, что отважной наблюдательнице стало не по себе.

«Значит, Ашар ничего не смог поделывать... Дуэль состоится».

Вот группа секундантов и немолодой господин с чемоданчиком – очевидно, доктор. А вот и виконт де Ботранше, который стоит, держа в руке пистолет и ожидая команды. У молодого химика была сутулая спина человека, который привык сидеть за книгами, и даже тут он проигрывал своему противнику с его образцовой военной выправкой. Мысленно Амалия оценила позицию: нет, секунданты сработали на совесть, солнце не светит в глаза ни виконту, ни Уортингтону... хотя какое это сейчас имеет значение...

– Сходитесь!

И в следующее мгновение до Амалии донесся сухой треск выстрела.

Глава 3

Ход драконом

Резидент Осетров дочитал до конца отчет баронессы Корф, который занял ровно одну страницу, и с удивлением посмотрел на приложенный к нему листок с цифрами. За окнами стучали колеса экипажей, цокали копыта лошадей, свистели птицы, и продавец газет заученно тянул на одной и той же ноте: «Последний выпуск «Пти Паризьен»! Покупайте «Пти Паризьен»!» Сидящая на стуле напротив стола Осетрова Амалия вздохнула и поглядела на свои туфельки. Она все еще оплакивала потерю ботинок, которые служили ей верой и правдой, но не выдержали утреннего приключения в Булонском лесу.

– Э-э... сударыня, что это такое? – спросил Осетров в некотором замешательстве, кивая на листок.

– Счет, – невинно ответила баронесса Корф. – За издержки, понесенные мной в ходе выполнения задания.

Осетров начал багроветь.

– Шляпка – триста франков... перчатки... ботинки... костюм – тысячу триста пятьдесят франков?!

– Это был очень хороший костюм, – сказала Амалия с укором. – Если вы мне не верите, я могу предъявить вам и его, и все остальное. Увы, костюм починке не подлежит.

– Сударыня, – проговорил резидент, насупившись, – мы так не договаривались.

– Не понимаю, что вас не устраивает, – промолвила Амалия ледяным тоном. – Вы дали мне задание, я его выполнила. Из-за вашего задания я понесла определенный материальный ущерб и теперь прошу мне его возместить. Обыкновенное дело, между прочим.

Осетров некоторое время буравил собеседницу взглядом, но у Амалии был настолько уверенный в себе вид, что, в конце концов, резидент не выдержал. Опустив глаза, он еще раз прочитал представленный ему отчет о дуэли.

– «После того как прозвучала команда сходитья, виконт де Ботранше выстрелил в своего противника, не сходя с места. Полковник Уртингтон упал как подкошенный. Подбежавший к нему доктор объявил, что англичанин убит наповал». – Осетров недовольно шевельнул бровями. – И что это было, госпожа баронесса?

– Дуэль, – с готовностью ответила Амалия, которой сегодня море было по колено.

Собеседник посмотрел на ее улыбающиеся губы, на блестящие глаза и тяжело вздохнул.

– Виконт, который не умеет стрелять, – с раздражением заговорил он, откидываясь на спинку кресла и сцепив пальцы, – убивает профессионала, который до того не допускал ни одной осечки. Вот как вы, госпожа баронесса, это объясняете?

– Полагаю, виконту подсказали правильную стратегию, – отозвалась Амалия, – стрелять первым и постараться ранить противника, а еще лучше – убить. Он и выстрелил. Эта история, милостивый государь, еще раз доказывает, как опасно держать за простофилю человека умственного труда на том лишь основании, что он раньше не имел дела с оружием.

– Нет, виконт все же простофиля, – возразил Осетров. – Ему просто повезло.

– Если он простофиля, кто же тогда покойный Уртингтон? – колотуе спросила Амалия, щуря свои необыкновенные золотые глаза.

Не отвечая, Осетров потянулся за счетом и пробежал его глазами.

– Боюсь, что состояние наших фондов не позволит удовлетворить ваши требования в полной мере, – уронил он. – Триста франков.

– Я рисковала жизнью, блуждая по сумеречному лесу и проваливаясь в ямы, и вот мне награда! – возмутилась Амалия. – 2150 франков, и ни сантимом меньше!

– Пятьсот, и то только потому, что я питаю к вам искреннее расположение.

– Может быть, ваше расположение потянет на 2100 франков?

– Ох, какая же вы... Семьсот – и по рукам!

– Милостивый государь!

– Амалия Константиновна, ну честное слово... Уговорили: тысяча. Тысяча франков!

– Покупайте «Пти Паризьен!» – отчаянно прокричал голос за окном.

Торг в кабинете продолжался, и наконец ценой нешуточных усилий Амалия выжала из собеседника полторы тысячи полновесных золотых франков. Но она не была бы Амалией, если бы не добавила:

– В сущности, этих денег хватит только, чтобы у хорошей портнихи косынку заказать.

– Расшитую жемчугами? – невинным тоном поинтересовался резидент.

Амалия расхохоталась. Осетров покачал головой и выдал собеседнице расписку, по которой ей в любое время могли выдать сумму, о которой они условились.

– Надеюсь, вы навестите нас, когда вернетесь из Мадрида, – сказал резидент, когда Амалия поднялась с места, пряча расписку в сумочку.

– Даже не сомневайтесь, милостивый государь, – отозвалась его собеседница.

Когда Амалия покинула посольство, расписки при ней уже не было, зато сумочка заметно потяжелела. Баронесса купила газету, убедилась, что там нет ни слова о дуэли, подумала, что информацию, вероятно, напечатают в вечернем выпуске, и отправилась по магазинам.

Днем, когда Амалия вернулась к себе, она обнаружила, что ее ждет Сергей Васильевич Ломов. Вид у него был на редкость удрученный, и баронесса решила, что у ее коллеги какие-то неприятности или, может быть, проблемы личного характера.

– Прошу вас, присаживайтесь, Сергей Васильевич, – сказала Амалия, раскладывая на столе свертки и пакеты с покупками. – Может быть, вы хотите чаю или кофе? Надеюсь, вам не пришлось долго ждать?

– Собственно говоря, я шел мимо и просто так решил зайти, – буркнул Ломов, опускаясь на диван. – Нет, мне ничего не надо, ни чая, ни кофе. Я слышал, вы присутствовали при дуэли виконта с Уортингтоном?

– Присутствовала – слишком громко сказано, – отозвалась Амалия, не удержавшись от улыбки при воспоминании о том, как ей пришлось взбираться на дерево. – А кто вам сказал, что я...

– Осетров. По его словам, вы написали о виконте отчет в духе Юлия Цезаря: пришел, увидел, победил.

Амалия запротестовала, но она тотчас же заметила, что собеседник не слушает ее возражений.

– В любом случае Уортингтон вам более ничего не должен, – добавила Амалия. – Счет закрыт.

Ломов покосился на нее, словно не решаясь сказать кое-что, но они были коллеги и в известной степени равны, так что он решился.

– Я был в морге, – сообщил он.

– О!

Больше Амалии ничего не пришло в голову.

– Понимаете, – продолжал Ломов, – то, что произошло, не лезет ни в какие рамки. Человек, не державший в руках оружия, укладывает профессионала, с которым и опытный зубр бы не справился... Короче, я не мог отделаться от ощущения, что нас разыгрывают.

– Разыгрывают? – машинально переспросила Амалия, лихорадочно соображая, куда клонит собеседник.

– Ну да. Поэтому мне позарез нужно было видеть труп Уортингтона и убедиться, что это он и что он действительно мертв.

Тут баронесса Корф поймала себя на мысли, что разговор стал приобретать какой-то совсем уж иррациональный оттенок. Кроме того, не стоит забывать, что хорошенькая женщина, которая только что удачно походила по магазинам, в принципе не настроена в такой момент обсуждать столь мрачную тему.

– Э-э... и что же, вы убедились? – неловко спросила Амалия.

Ломов тяжело вздохнул.

– Представьте себе, да. Никто не выжил бы, получив пулю в лоб.

Он замолчал, глядя на пятно солнечного света на полу. Устав стоять, Амалия села. Инстинктивно она чувствовала, что ей следует сказать Ломову что-нибудь ободряющее, но она не могла скрыть от себя, что вся ситуация представляется ей немного комичной.

– Скажите, Сергей Васильевич, вы сердитесь на виконта де Ботранше из-за того, что он лишил вас удовольствия самому прикончить Уортингтона? – спросила она напрямик.

– И это тоже, – ответил Ломов каким-то странным тоном. – Но главное, чего я не могу понять, – как Уортингтон мог так глупо попасться.

– Ему просто не повезло, – сказала Амалия.

– Сударыня, – уже с раздражением промолвил ее собеседник, – давайте не будем говорить о везении, удаче, случайностях и прочих химерах из лексикона дураков. Вам ли не знать, что в нашей работе везение – то, над чем работаешь месяцами, а то и годами.

Амалии очень хотелось возразить, и можете быть уверены, что у нее нашлось бы что сказать, но она была умна и понимала, когда спор заведомо не имеет смысла. Сейчас явно был как раз такой случай.

– Если рассмотреть ситуацию, что мы имеем? – продолжал Ломов. – Виконт де Ботранше занимается какой-то разработкой для военных. Подробности я не знаю, но они для нас в данном случае несущественны. Англичане узнали, над чем работает виконт, и встревожились – настолько, что решили его устранить. Был разработан план, учитывающий его происхождение и особенности характера – что он, к примеру, не из тех, кто станет увиливать от дуэли. Дальше англичане сделали ход конем и послали Уортингтона. Ну а французы не сделали ничего... вроде бы ничего. Только вот Уортингтон теперь мертв.

– Потому что виконт оказался ферзем, – сказала Амалия.

– Уортингтон сожрал бы любого ферзя, – отмахнулся Ломов, и баронесса поняла, что он по-настоящему глубоко задет. – Тут, Амалия Константиновна, действовал не ферзь, а какой-то дракон.

– В шахматах нет такой фигуры.

– То-то и оно, что жизнь – не шахматы. – Сергей Васильевич со значением посмотрел на свою собеседницу. – Скажите-ка мне вот что, госпожа баронесса: вы не видели в лесу посторонних? Я имею в виду вот что: сидел где-нибудь в засаде неподалеку человек с ружьем, который выстрелил одновременно с виконтом и уложил Уортингтона. Это объясняло бы сверхъестественную меткость виконта и заодно было бы вполне в духе Ашара, насколько я его знаю.

Амалия задумалась.

– По-вашему, дуэль была нечестной?

– Вы кого-нибудь видели? – настойчиво спросил Ломов, подавшись вперед. – Может быть, заметили что-то подозрительное... какое-нибудь шевеление в кустах, например?

– Я сидела на дереве, – сказала Амалия, – но ничего подозрительного мне в глаза не бросилось. С другой стороны, если человек Ашара сумел хорошо замаскироваться...

– Вспомните, может быть, вы слышали как бы эхо от выстрела, как бывает при двойном выстреле? Или видели нечто вроде вспышки там, где никого не должно быть?

На этот раз Амалия молчала гораздо дольше.

– Боюсь, я не могу вам помочь, Сергей Васильевич, – промолвила она серьезно. – Виконт просто вскинул руку и выстрелил. Полковник упал. Больше ничего не было... А если и было, я ничего не заметила. – Она немного помедлила перед тем, как произнести следующие слова. – Покойный Уортингтон не был нашим другом, и это еще мягко сказано. Почему вас так задела за живое его кончина?

– Потому что я не люблю, когда меня пытаются провести, – отрезал Ломов. – И я нутром чую, что в этой истории есть что-то гнилое. Фелисьен Ашар не из тех, кто станет полагаться на везение стрелка, который только вчера взял в руки пистолет. Уверен: там был второй стрелок, просто вы его не заметили.

Амалия пожала плечами.

– Что ж, следует поздравить мсье Ашара: он поступил бесчестно, но все же добился своего. Пока, потому что англичане вряд ли отступятся после одной попытки. Есть же еще Хобсон и Скотт, которые вполне могут вызвать виконта на дуэль, обвинив в гибели их друга.

– Вы не в курсе? – удивился Ломов. – На секундантах наехала карета, когда они вернулись в Париж. Лошади понесли... жуткая неприятность. У Хобсона сломаны ноги, у Скотта – позвоночник, и он совсем плох. Кроме того, мне стало известно, что виконт уже собрался и в сопровождении надежных людей уехал в свой замок. Нет, сударыня, Ашар не допустит, чтобы его подопечного снова вызвали на дуэль.

– Получается, он выиграл эту партию, а Уортингтон проиграл.

– Получается так. – Ломов промолчал. – Знаете, когда я увидел его мертвым, я... Честное слово, мне стало почти что жаль. Никто, кроме меня, не пришел к нему. Он уже окоченел. Не знаю, почему ему не закрыли глаза, они были открыты. И мне пришлось их закрыть.

– Если бы он был жив, – вполголоса вернула Амалия, – вы бы даже не помышляли о жалости.

– Конечно, – усмехнулся Ломов. – Я бы помышлял только о том, как его убить.

Чтобы сменить тему, Амалия предложила своему собеседнику остаться на обед, но он отказался и вскоре удалился, оставив ее одну.

Будь Амалия в ином настроении, возможно, она не отказалась бы поразмышлять о том, правда ли, что по-настоящему нас ценят только наши лучшие враги, в то время как лучшие друзья воспринимают нас скорее как данность; но парадоксами баронесса Корф была склонна заниматься на досуге, а сейчас ей хватало своих забот – к примеру, она собиралась оживить в памяти то, что знала из испанского. Амалия всегда считала, что с испанским ей не повезло – когда-то она начала изучать итальянский, но бросила, а потом испанский наложился на похожий итальянский, так что в итоге получилось ни то ни се. Однако баронесса Корф была убеждена в том, что труд и прилежание способны творить чудеса, и принялась перечитывать учебник испанского.

Глава 4

Странности начинаются

Дело, ради которого Амалия приехала в Мадрид, заняло гораздо меньше времени, чем она предполагала, так что через неделю баронесса Корф вернулась в Париж, собираясь далее проследовать на родину. Однако почти сразу же после приезда Амалия получила записку от Осетрова, которая заставила ее пересмотреть свои планы. Постороннему записка могла бы показаться простым приглашением на ужин, но по особым ключевым словам, употребленным в тексте, баронесса сразу же определила, что речь идет о чем-то важном и срочном и что, возможно, снова потребуется ее помощь. В тот же вечер Амалия навестила Осетрова. В силу своей профессии резидент умел прекрасно скрывать свои чувства, но Амалия знала его не первый год и безошибочно определила, что ее собеседник чем-то обеспокоен. Он произносил требуемые приличиями фразы о том, удачно ли прошло путешествие баронессы и не устала ли она, но Амалия видела, что его мысли занимает нечто совсем иное, и приготовилась ждать, когда он наконец заговорит о том, что его волновало.

– Кажется, вы хорошо знаете Сергея Васильевича Ломова? – спросил Осетров после того, как собеседница дала ему понять, что довольна результатами своей поездки и не ощущает никакой усталости.

– Мы работали вместе, – осторожно ответила Амалия.

– И насколько мне известно, виделись с ним до того, как отправиться в Мадрид?

Тон, которым были сказаны эти слова, баронессе не понравился. Слишком многое могло за ним стоять – от подозрения до прямой угрозы. Амалия не знала за собой никакой вины, но отлично знала, как немного порой надо, чтобы испортить жизнь агенту, каким бы добросовестным и надежным он ни был.

– Если вам, милостивый государь, известно о визите Сергея Васильевича, – холодно промолвила баронесса Корф, – то для вас также не должно составлять секрета, о чем мы говорили.

Осетров несколько мгновений буравил собеседницу пронизывающим взглядом, но затем, очевидно, решил пойти на попятный. Он сухо улыбнулся.

– Сударыня, я глубоко сожалею, если вам показалось, что я имел намерение каким-либо образом задеть вас. Когда Сергей Васильевич узнал, что вы присутствовали на дуэли Уортингтона и виконта де Ботранше, он выразил желание встретиться с вами. Зная решительный характер Сергея Васильевича, я, естественно, предположил, что он исполнил свое намерение и что вы с ним виделись еще до вашего отъезда. Я ведь прав?

– Совершенно правы, милостивый государь, – ответила Амалия, принужденно улыбаясь.

– Госпожа баронесса, вы не только прекрасны – вы также самая умная женщина из всех, кого я знаю.

Тут Амалия окончательно убедилась, что все настолько плохо, насколько вообще может быть, потому что за подобными комплиментами неминуемо следует нечто ужасное. А Осетров меж тем продолжал, подавшись вперед:

– Скажите, сударыня, когда вы общались с Ломовым перед отъездом, вы не заметили в его поведении ничего... странного?

– Он был оскорблен до глубины души тем, что Уортингтона убил не он, – сдержанно отозвалась Амалия. – Вам судить, считать это странностью или нет.

– И больше вы ничего не заметили?

– Может быть, вы мне скажете, что происходит? – вопросом на вопрос ответила баронесса Корф. – Вы говорите о Сергее Васильевиче, выпытываете подробности нашей с ним встречи... Мне бы хотелось все-таки понять, к чему все это, потому что тогда мне будет гораздо проще вам помочь.

– К чему все это, – эхом повторил Осетров и с обманчиво рассеянным видом побарабанил пальцами по столу. Амалия, однако, видела, что ее собеседник собран, сосредоточен и лишь мысленно прикидывает, какой ему тактики держаться. Невольно ее охватила тревога. – К чему, к чему... Боюсь, сударыня, что у нас проблемы.

– У нас?

– Да, у Особой службы, у вас, у меня и... Словом, у всех.

– Насколько они серьезны?

– Пока не знаю. Дело в том, что Ломов исчез.

И он впился взглядом в ее лицо, подстергая малейшее изменение в его выражении. Но Амалия так удивилась, что, не сдержавшись, выпалила:

– Не может быть!

– Чего не может быть, сударыня? – с убийственным сарказмом поинтересовался ее собеседник.

– Я хочу сказать, – пробормотала Амалия, нервничая, – что... что это совсем не в духе Сергея Васильевича. Я имею в виду...

– Тут, как ни странно, я соглашусь с вами, – сжалился над ней Осетров. – Впрочем, у нас есть основания считать, что его исчезновение... оно, так сказать, произошло не вполне... не вполне, кхм, добровольным путем.

– Вы хотите сказать, что его похитили?

– Не так категорично, сударыня, – поморщился резидент. – Скажите-ка мне лучше вот что: в Испании вы получали какие-нибудь известия от Ломова?

– Нет.

– Вы уверены?

– Нет нужды задавать мне подобный вопрос. Разумеется, я уверена, коль скоро сказала «нет».

– А вам, случаем, неизвестно, что Ломов делал в Париже после того, как вы оттуда уехали?

– Насколько я знаю, у Сергея Васильевича не было в Париже никаких дел, – с неудовольствием ответила Амалия. – Он должен был вернуться в Петербург.

– И сесть на Северный экспресс как раз в тот день, когда вы отправились в Испанию на Южном³, – подхватил Осетров. Его глаза сверкнули. – Однако господин Ломов опоздал на экспресс, потому что, представьте себе, запил.

– Плохо, – пробормотала баронесса Корф, передернув плечами. – В такой профессии, как наша, это серьезная ошибка. Вы кого-нибудь приставили к Сергею Васильевичу, чтобы он не наломал дров?

– Нет, вы сначала послушайте, – усмехнулся Осетров. – Ломов напился и заперся в своем номере. Пока его будили, поезд ушел. На следующий день Сергей Васильевич пришел ко мне, трезвый как стеклышко, и извинился за вчерашнее. Он объявил, что готов вернуться домой следующим экспрессом. Сейчас Северный экспресс два раза в неделю ходит до Петербурга, и раз Ломов пропустил поезд в среду, он должен был уехать на том, который покидает Париж в субботу.

– В два часа с четвертью, – не удержалась Амалия. – С Северного вокзала.

³ Северный экспресс (Норд экспресс) с мая 1896 года связывал Париж с Петербургом. Южный экспресс шел из Парижа в Лиссабон через Мадрид.

– Совершенно верно. Одним словом, я не слишком беспокоился. В конце концов, человек может выпить лишнего... с кем не бывает, и опоздать на поезд тоже может, ничего особенного тут нет. Однако вскоре я узнал, что в свободное время господин Ломов ходил встречаться с секундантами покойного Уоррингтона, с доктором, а также ездил на место дуэли. Скажите, Амалия Константиновна, что бы вы подумали на моем месте?

– Что Сергей Васильевич притворился пьяным и нарочно пропустил поезд, чтобы расследовать смерть полковника, – сказала Амалия.

Осетров удовлетворенно кивнул.

– Вот! И я, госпожа баронесса, решил точно так же. Поэтому один из моих людей сопровождал в субботу Сергея Васильевича на вокзал и проследил, чтобы он сел в вагон.

– А потом? – спросила Амалия.

– Дальше, сударыня, начинается самое интересное. Багаж господина Ломова прибыл в Россию, но хозяина багажа в вагоне не оказалось. Он исчез, и, по нашим сведениям, это случилось еще до того, как поезд пересек французскую границу.

– По вашим сведениям? Значит, вы уже наводили справки?

– Сударыня, вы же знаете, что я некоторым образом отвечаю за всех наших людей, которые находятся на территории Франции, включая агентов Особой службы. Я получил из Петербурга предписание выяснить, что могло случиться с господином Ломовым. Разумеется, я сразу же принял его к сведению и подключил своих людей.

– Надо было осмотреть купе, в котором он ехал, – решительно сказала Амалия. – Опрошить кондукторов и пассажиров, особенно тех, которые ехали с ним в одном вагоне. И не забывайте, что из-за разницы в ширине нашей и европейской железнодорожной колеи на станции Вержболово пассажиры переходят из одного состава в другой, то есть осматривать купе надо в том составе, который выехал из Парижа.

– О да, сударыня, я бы действовал именно так, будь я французским полицейским и имей соответствующие полномочия. Проблема в том, что их у меня нет. Многие пассажиры – граждане иных государств, кондуктора – французы и немцы, и мы не имеем права их допрашивать. Разумеется, мои люди употребят все усилия, чтобы узнать, куда пропал Сергей Васильевич. Тем более что все-таки удалось осмотреть купе, в котором он выехал из Парижа, и этот осмотр дал определенные результаты.

– Могу ли я узнать, какие именно?

– Полагаю, что можете, госпожа баронесса. В купе была борьба, на оконном стекле осталась трещина, диванная обивка в одном месте продрана чем-то острым. Следов крови мы не обнаружили, но их могло и не быть, вы же понимаете...

– Кто ехал в купе с Сергеем Васильевичем?

– Никто. Он выкупил оба места. По его словам, он терпеть не может, когда рядом кто-то храпит. Тогда я не обратил на это внимания, а сейчас думаю: может быть, он опасался кого-нибудь?

– Если так, то Сергей Васильевич уж точно не стал бы садиться в поезд среди бела дня на глазах у всех. Кстати, вы узнавали – может быть, кто-нибудь еще из пассажиров исчез? Или, может быть, не пассажир, а кондуктор?

– Если мои сведения верны, – медленно проговорил Осетров, – никто из пассажиров и никто из кондукторов не исчезал. – Резидент выдержал паузу. – Как по-вашему, что там произошло?

– Возможно, Сергей Васильевич узнал что-то о дуэли, – сказала Амалия, хмурясь. – И его решили заставить замолчать. Раз в купе была борьба, значит, на него напали. Если тела нет в поезде, его должны были выбросить наружу, и оно лежит на насыпи... а может быть, и нет, потому что экспресс проезжает по мостам над несколькими реками, и самое надежное – сбросить труп в воду. После этого убийца или убийцы вернулись в свое купе и спокойно

вышли на станции, до которой у него или у них был билет. Думаю, расследование надо начать со списка пассажиров. Поскольку речь почти наверняка идет об умышленном убийстве, вряд ли преступники покупали билеты до Петербурга или даже до Берлина. Прежде всего стоит проверить тех, кто покинул поезд еще на французской территории.

– Кажется, мы мыслим в одном направлении. – Осетров сухо улыбнулся. – Проблема в том, что на первый взгляд никто из пассажиров не возбуждает подозрений. Тем более что на Северном экспрессе кто попало не ездит, им пользуется довольно узкий круг лиц, которые в большинстве очень хорошо известны.

– Тогда возникает вопрос, не могли ли находиться в поезде неучтенные пассажиры.

– Вероятно, могли, особенно если принять во внимание то, что происходит сейчас.

– А что именно происходит сейчас? – напряглась Амалия.

– Я не сказал вам еще кое-что, – со значением уронил Осетров. – Уже несколько дней возле посольства и домов, которые нам принадлежат, околачиваются французские агенты. Их много, очень много, и что самое скверное, они даже не пытаются скрываться. Как вы думаете, сударыня, что может означать такое их поведение?

– К чему строить гипотезы, когда можно узнать наверняка? – пожала плечами Амалия. – Допустим, найти кого-нибудь, похожего на Ломова, послать его к дому, возле которого дежурят агенты, и посмотреть, что будет.

Осетров умел владеть собой, но его выдал взгляд, устремленный на собеседницу, – взгляд, в котором недоверчивость смешалась с удивлением и с удовольствием оттого, что резиденту в кои-то веки попался человек, достойный его уровня. Тут, пожалуй, стоит добавить, что самого себя господин Осетров ставил очень высоко, хоть и не кричал об этом на всех углах.

– Вы ведь уже так и поступили, верно? – вкрадчиво осведомилась баронесса Корф. – И что же? Двойника Ломова тотчас задержали?

– Его уже отпустили. – Говоря, Осетров поднес руку ко рту, чтобы скрыть улыбку. – И даже, представьте себе, принесли извинения. Получается, Амалия Константиновна, что наш Ломов жив, раз его столь отчаянно ищут. А еще получается, – продолжал резидент, и теперь уже и тени улыбки не было в его лице, – что он нарушил все наши правила и, действуя на свой страх и риск, разворошил осиное гнездо, о котором мы можем только догадываться. Именно поэтому я еще раз спрашиваю вас: не заметили ли вы чего-то странного, когда видели его в последний раз? Подумайте хорошенько, сударыня, я вас не тороплю.

Выражение «в последний раз» настолько не понравилось Амалии, что ей стоило большого труда сосредоточиться на воспоминаниях о разговоре с Ломовым.

– В нашу встречу перед моим отъездом Сергей Васильевич говорил только о Уортингтоне, – сказала она наконец. – Он был убежден, что с дуэлью что-то не так. По его мнению, в кустах или где-то поблизости находился еще один стрелок, который выстрелил одновременно с виконтом и убил полковника.

– Однако у дуэли был свидетель, и этот свидетель – вы, – напомнил Осетров. – Я читал ваш отчет, занимательный, хоть и несколько поверхностный по форме, и должен сказать, что не помню упоминаний ни о каком постороннем стрелке.

– Я действительно никого не заметила, – призналась Амалия. – Но ведь я следила только за тем, что происходило на поляне. Если стрелок, о котором мы говорим, позаботился как следует замаскироваться... – она запнулась.

– Вы хотите сказать, что могли не увидеть его сверху? – спросил Осетров.

– Не знаю. – Амалия недовольно поморщилась. – Не уверена. По правде говоря, я была так рада, что виконт не пострадал... То есть не то чтобы рада, – быстро поправила она, – но мне казалось несправедливым, что Уортингтон должен был его убить. Вы понимаете, что я имею в виду?

Глава 5

Версии и предположения

Осетров, потирая пальцем висок, с любопытством смотрел на свою собеседницу.

– Я понимаю, сударыня, – проговорил он негромко, но вместе с тем чрезвычайно внушительно, – что проблемы французов должны волновать нас не больше, чем их волнуют наши. А еще у меня сложилось впечатление, что если бы Сергей Васильевич не стал ломать голову над тем, как убили Уортингтона, а просто сел бы в среду на экспресс и отбыл восвояси, у многих людей, включая меня и вас, было бы куда меньше хлопот.

И, выговорив эту внушительную фразу, которую в разговорной речи мог выдать только человек, горячо интересующийся словесностью и читающий много книг, Осетров сдержанно улыбнулся.

– Думаю, нет смысла говорить об этом, коль скоро хлопот все равно не избежать, – отозвалась Амалия. – Если вам нужна моя помощь, вы можете мной располагать.

– Признаюсь, помощь действительно не повредит, – ответил Осетров. Он поставил локти на подлокотники и сомкнул кончики пальцев. – Во-первых, надо понять, жив Ломов или мертв. Если он мертв, где его тело, если жив, где он находится, а также почему до сих пор от него нет никаких вестей. Во-вторых, мы обязаны разобраться, что произошло в поезде. Кто напал на Ломова, как именно напал, как проник в его купе, и так далее. В-третьих, причина. Что такого мог разузнать Сергей Васильевич, что его стали так спешно и, прямо скажем, неаккуратно убивать. Вы, сударыня, подтвердили мое подозрение, что это как-то связано с гибелью Уортингтона на дуэли. Осталось лишь понять, о чем именно идет речь.

– Знаете, – призналась Амалия после паузы, – по зрелом размышлении у меня все же возникли некоторые сомнения. Допустим, что был некий скрытый стрелок, которого я не заметила. Допустим, что Сергей Васильевич даже узнал, кто это и как его зовут. И что? Французы станут из-за этого сходить с ума? Как по мне, это слишком мелкий повод для столь масштабных действий. Разумеется, то, что узнал Сергей Васильевич, способно вызвать скандал, а скандал всегда означает неприятности. Вероятно, его сведения доказывают, что Ашар пользуется бесчестными методами, чтобы одержать верх над противником, но... простите меня, а когда наши службы вообще пользуются честными методами?

– Должен признаться, Амалия Константиновна, вы не первая, кто задает себе подобные вопросы, – серьезно промолвил резидент. – Давайте все же исходить из того, что если французы решили устранить нашего агента, значит, они считают, что *le jeu vaut la chandelle*⁴. Далее: вы не правы, считая, что сведения о личности неведомого стрелка ничего не стоят. Я говорю сейчас не о деньгах, само собой, – добавил Осетров. – Даже если стрелок – рядовой агент, какой-нибудь незначительный мсье Дюпон, как минимум англичане будут заинтересованы в том, чтобы узнать его имя. А если речь идет вовсе не о рядовом агенте? Если это кто-то куда более важный и ценный? Или если предположить, что он применил некое усовершенствованное оружие – например такое, которое позволило ему находиться далеко от цели, так что ни вы и никто из присутствовавших на дуэли его не заметили? А Сергей Васильевич, к примеру, смог узнать, что за оружие было использовано, и если эти сведения попадут не к тем людям, Франции не поздоровится. Видите, сколько возможностей сразу возникает?

– Но если Сергей Васильевич узнал некие важные сведения, почему же тогда он не пожелал поделиться ими с вами? – спросила Амалия.

⁴ Игра стоит свеч (*фр.*).

– Ах, госпожа баронесса, только не делайте вид, что вы не понимаете... Ведь и вы, и он – Особая служба, которая никому не подчиняется, кроме генерала Багратионова. Разведка добывает секретные сведения, контрразведка борется с их утечкой, а агенты Особой службы живут себе припеваючи и катаются первым классом в Мадрид, чтобы купить у разорившегося испанского гранда картину для... впрочем, о чем это я? В конце концов, картины тоже нужны, особенно хорошие.

Амалия кисло улыбнулась, напустив на себя вид человека, которого раскусили и которому решительно нечем крыть. На самом деле покупка картины была лишь прикрытием для куда более важной миссии, но так как баронессу Корф обязали хранить эту часть ее поездки в строгом секрете, она не стала поправлять собеседника.

– Значит, Сергей Васильевич вам ничего не сказал и даже не намекнул? – спросила Амалия.

– Нет, госпожа баронесса.

– А что насчет вашего человека? Того, который сопровождал в субботу Сергея Васильевича на вокзал?

– Его зовут Виктор Иванович Елагин, – сказал Осетров, – и я уже обсудил с ним не раз, что господин Ломов говорил и даже как он выглядел, когда ехал на вокзал. По словам Виктора Ивановича, Сергей Васильевич сказал ему следующее, – резидент взял со стола листок. – «Париж – забавный город: вроде и столица Европы, а присмотришься – деревня деревней, только шуму много производит». Еще Сергей Васильевич проехался по поводу Эйфелевой башни, мол, как удобно иметь в стране нечто такое, что можно безнаказанно честить на все корки. Дождь, или засуха, или в правительстве одни остолопы, или война на пороге, или жена изменяет, а поругаешь Эйфелеву башню, и сразу же на душе приятно и легко. «Хорошо бы и нам завести у себя что-нибудь вроде нее», – заметил господин Ломов в конце обсуждения.

– Он говорил что-нибудь еще? – спросила Амалия.

– Конечно, говорил: «Здравствуйте», «До свидания» и еще что-то насчет погоды. – Осетров положил листок на стол. – Но ни слова о дуэли, Амалия Константиновна, ни слова о Уортингтоне и ни слова о том, кто его убил.

– А как Сергей Васильевич выглядел? Вы упоминали, что расспрашивали господина Елагина об этом.

– И Виктор Иванович не раз и не два ответил мне, что господин Ломов выглядел абсолютно обычно и не подавал никаких признаков беспокойства.

– Тогда еще один вопрос. Не заметил ли Елагин, чтобы за ними кто-то следил? Или, может быть, уже на вокзале кто-то уделял Сергею Васильевичу слишком много внимания?

– Виктор Иванович ничего подобного не помнит.

– А на его свидетельство вообще можно положиться?

– Он человек трезвомыслящий и не склонный к преувеличениям. Впрочем, лично я уверен, что если за Ломовым следили, у этих людей хватило ума не попадаться Елагину на глаза.

Амалия считала, что вполне владеет собой, но она едва не подскочила на месте, когда внезапно начали бить стенные часы. Хотя ей не было жарко, она достала веер, раскрыла его и стала им обмахиваться, чтобы выгадать время и привести в порядок мысли.

– По правде говоря, – негромко заговорила она, – меня больше всего беспокоит то, что Сергей Васильевич до сих пор никак не дал знать о себе.

– А меня беспокоит другое, – признался Осетров. – Если Ломов стал обладателем информации, из-за которой можно поплатиться жизнью, он должен был это понять. А раз так, он обязан был обезопасить себя и поделиться ею.

– Именно поэтому вы расспрашивали меня, не получала ли я вестей от него, когда была в Испании?

– Совершенно верно.

– Я уже сказала и повторю еще раз: я ничего не получала.

– А если вы разминутесь с письмом? Такое ведь может случиться.

– Тогда оно догонит меня в Париже, – отозвалась Амалия. – Я распорядилась пересылать почту, если таковая будет, на свой парижский адрес.

– Вы сообщите мне, если...

– Само собой. Вы могли и не спрашивать... Скажите, а Сергей Васильевич не мог отправить сообщение напрямую генералу Багратионову?

– Тогда ему пришлось бы воспользоваться нашими службами, – ответил Осетров. – Я уже наводил справки: через посольство Ломов ничего не отправлял.

– Что ж, тогда нам остается ждать, не объявится ли в мадридской почте то, что нас интересует. Скажите мне еще вот что: секунданты покойного Уортингтона...

– Вы имеете в виду Хобсона и Скотта?

– Да. Они уже покинули Францию?

– Возможно, вы не знаете, что с ними произошла неприятность. – Осетров усмехнулся. – Средь бела дня на оживленной улице на них как бы случайно наехала карета. Оба получили серьезные увечья и сейчас лежат в постели. Особенно не повезло Скотту, но сейчас, кажется, его жизни больше ничто не угрожает. – Он пытливо всмотрелся в лицо Амалии. – Вы собираетесь с ними увидеться?

– Да, я хочу повторить расследование, которое предпринял Сергей Васильевич, а раз так, мне придется пообщаться с англичанами, а также с доктором.

– Что ж, это мысль, – заметил Осетров. – Только прошу вас, сударыня, помнить о том, чем расследование господина Ломова завершилось для него. Не повторите его ошибки, госпожа баронесса.

Амалия пообещала Осетрову, что постарается соблюдать максимальную осторожность, и, так как было уже поздно, попрощалась с резидентом и отправилась к себе.

Глава 6

Лотерейный билет

Пробудившись на следующее утро, Амалия не стала сразу вставать, а некоторое время лежала в постели, отдавшись прихотливому течению своих мыслей. Баронесса Корф вовсе не была новичком в своей профессии и прекрасно сознавала все ее риски, но все же исчезновение Сергея Васильевича Ломова встревожило ее – как встревожило бы, например, исчезновение векового дома напротив ее окон. В Ломове, несмотря на его кажущуюся неотесанность и склад характера, обнаруживающий много общего с нижними офицерскими чинами, было нечто от скалы – незыблемое, несокрушимое и потому внушающее уважение. Амалия знала, что ему довелось выбраться живым из нешуточных передраг, и ей казалось, что уж с кем с кем, а с Сергеем Васильевичем никак не может произойти ничего экстраординарного. Теперь он исчез при обстоятельствах, которые нельзя было назвать иначе чем странными, и ей с коллегами предстояло разобраться, что же с ним произошло.

Амалия привела себя в порядок, позавтракала, разобрала почту, позвонила Осетрову и узнала, что о Ломове до сих пор нет никаких вестей.

«Среда, четверг, пятница... в субботу он уже покинул Париж на экспрессе. Не так уж много у него было времени, по правде говоря... Он общался с Хобсоном, Скоттом и с доктором, присутствовавшим на дуэли. Возможно, кто-то из них сказал Сергею Васильевичу нечто такое, что подтвердило его подозрения... – Амалия встряхнулась. – Но начну я вовсе не с них».

Она еще раз позвонила Осетрову и спросила, не может ли он устроить ей срочную встречу с Елагиным.

– Сударыня, я уже передал вам все, что мне удалось узнать от него, – довольно сухо заметил Осетров. – Вы уверены, что встреча необходима?

Положа руку на сердце Амалия должна была ответить «Нет», но она, разумеется, сказала «Да».

– Хорошо, – промолвил Осетров, и, хотя он отменно владел собой, в его голосе все же прорезались нотки легкого раздражения. – Я пришлю к вам Виктора Ивановича.

Амалия и сама не знала, что побудило ее начать поиски Ломова с человека, который видел Сергея Васильевича одним из последних. Впрочем, к чести Виктора Ивановича Елагина следует сказать, что он не заставил себя ждать. Не прошло и часа после звонка баронессы Корф, когда в дверь временно занимаемого ею особняка на улице Риволи позвонили. Через несколько минут перед Амалией предстал молодой человек лет двадцати пяти, русоволосый, худощавый и бледный. Его можно было бы даже назвать ничем не примечательным, если бы не умные светлые глаза, и, увидев их, баронесса Корф отметила про себя, что с Елагиным можно иметь дело.

– Прошу вас, Виктор Иванович, присаживайтесь... Может быть, чаю или кофе? Вы уже завтракали, надеюсь?

Гость сказал, что он уже завтракал, но от чая не откажется, и тот был принесен. Пока Виктор Иванович отдавал должное чаю, Амалия размышляла, с чего ей начать разговор.

«Любой свидетель – нечто вроде лотерейного билета: можно потратиться и ничего не получить, можно выиграть какую-нибудь мелочь, но редко бывает, чтобы сразу выпал главный приз... А, была не была!»

– Вы давно в Париже, Виктор Иванович? – начала Амалия.

– Второй год, госпожа баронесса.

– Полагаю, вы мечтали о большем, чем сопровождать кого-то на вокзал, – заметила баронесса Корф, испытующе глядя на своего гостя.

Молодой человек смущенно улыбнулся.

– О сударыня, я, конечно... С другой стороны, никогда нельзя знать наверняка, где понадобится твое содействие... Я прекрасно сознаю, что у меня еще мало опыта для того, чтобы выполнять серьезные поручения...

– Вы давно знаете Сергея Васильевича?

– Нет, госпожа баронесса. Я впервые услышал о нем от господина Осетрова.

– Он был сильно недоволен тем, что господин Ломов пропустил поезд и остался в Париже?

– Я бы сказал, что господина Осетрова не волновал пропущенный поезд, – медленно проговорил Елагин, глядя на Амалию. – Куда больше его рассердило то, что он назвал самоуправством.

– То, что Сергей Васильевич стал расследовать гибель полковника?

– Да. Господин Осетров написал ему письмо – довольно резкое, насколько я могу судить.

– Откуда вам это известно?

– Господин Осетров поручил мне доставить его послание господину Ломову.

Ой, как интересно. А ведь Осетров не упоминал ни о каком послании, только о том, что Елагин сопровождал Ломова на Северный вокзал.

– И вы доставили письмо Сергею Васильевичу? – спросила Амалия.

– Да.

– И тогда же познакомились с ним, верно?

– Да.

– Когда это было?

– Дайте-ка подумать... Да, точно, в пятницу. За день до отхода Северного экспресса, на который Сергей Васильевич все-таки сел.

– Скажите, Виктор Иванович, какое он на вас произвел впечатление, когда вы впервые его увидели?

Елагин замялся.

– Сергей Васильевич – очень своеобразный человек, – проговорил он наконец.

– Неужели он обругал Осетрова?

– Э-э... Боюсь, сударыня, я не могу этого повторить, – ответил молодой человек, краснея. – Сергей Васильевич прочитал вслух несколько фраз из письма... вот откуда мне известно, что оно было довольно резким. А потом господин Ломов...

– Полагаю, он сказал, что господин Осетров может потеряться своим письмом, – заметила Амалия. – Или сделать с ним что-нибудь похуже...

Елагин издал горлом какой-то булькающий звук и уставился на собеседницу, не веря своим ушам.

– Было такое? Ну же, Виктор Иванович...

– Было, – выдал из себя молодой человек.

– Как Сергей Васильевич держал себя во время вашей первой встречи?

– Боюсь, мне не с чем сравнивать, сударыня. Я ведь не имел чести знать его прежде.

– Может быть, он производил впечатление человека, который опасается кого-то или чего-то?

– По-моему, – сказал Елагин после паузы, – Сергей Васильевич вообще никого не опасался. По крайней мере, он производил именно такое впечатление.

– Он жил в гостинице «Нева» на улице Монсиньи. Когда вы приходили к нему и когда уходили, вы не обратили внимания, может быть, кто-то наблюдал за его номером? Или просто околачивался поблизости?

– Я уже думал об этом. Но нет, я ничего такого не заметил.

– В разговоре Сергей Васильевич упоминал о полковнике Уортингтоне? Говорил о дуэли, о том, что с ней что-то не так?

– Нет, сударыня. Вообще наша беседа получилась короткой. Я представился и передал ему письмо. Он прочитал его, некоторые фразы повторил вслух, потом... потом грубо сказал, что господин Осетров может сделать со своим письмом. «Передай этому любителю просиживать штаны в уютном кабинете, – сказал мне господин Ломов напоследок, – что я ему не подчиняюсь и чихать хотел на его указивки».

– Узнаю стиль Сергея Васильевича, – пробормотала Амалия. – Не указания, а именно указивки... Что было дальше?

– Дальше, сударыня, я откланялся и ушел. По правде говоря, оказавшись за дверью, я вздохнул с облегчением. Не сочтите за дерзость, но...

– Я вполне вас понимаю, – успокоила собеседника Амалия. – Когда господин Осетров известил вас, что вы должны будете сопровождать Сергея Васильевича на Северный вокзал, вы, вероятно, не испытали особого восторга?

– Боюсь, что нет.

– Каким вам показался Сергей Васильевич в вашу вторую встречу?

– Таким же, как и в первую. Он абсолютно не производил впечатления человека, который чего-то опасается или боится. Я имел несчастье сказать ему, что мне нравится Париж и я нахожу Эйфелеву башню смелым творением. Сергей Васильевич возразил, что Париж – та же деревня и что значение Эйфелевой башни – отвлекать людей от их забот. По-моему, ему просто нравилось мне противоречить. Не думаю, чтобы он воспринимал меня всерьез.

Как Осетров охарактеризовал Елагина – трезвомыслящий? Действительно, весьма трезвомыслящий молодой человек. Амалия взглянула на собеседника с невольным одобрением.

– Вы ехали в наемном экипаже? – спросила она.

– Да.

– У вас не возникло впечатления, что за вами кто-то следил?

– Нет.

– А у Сергея Васильевича?

– По-моему, нет. Я хочу сказать, если бы он заметил слежку, он бы насторожился, верно? И я бы это заметил.

– Но вы ничего не заметили?

– Нет. По-моему, он был рад, что вскоре вернется в Петербург. И он выглядел и вел себя абсолютно естественно.

Амалия задумалась, машинально мешая ложечкой остывший чай. Ну и что такого особенного она узнала, настояв на беседе с Елагиным? Что Осетров был недоволен, что он прислал Сергею Васильевичу резкое письмо и что Виктор Иванович не заметил абсолютно ничего подозрительного или угрожающего.

– Вы остались на перроне до отхода поезда? – спросила она.

– Согласно полученным мной от господина Осетрова инструкциям. Я ведь должен был убедиться, что господин Ломов... э... словом, что ему не взбредет в голову покинуть поезд.

– Скажите, Виктор Иванович, вы хорошо видели его вагон?

– Разумеется. Я остался стоять возле него.

– Скажите, когда прозвучал сигнал к отправлению и состав тронулся, кто-нибудь пытался вскочить в поезд?

– Нет.

– Вы уверены? Может быть, кто-то пытался запрыгнуть не в вагон Ломова, а в другой...

– Нет, госпожа баронесса. Я бы заметил, если бы что-то такое имело место. Но никто не пытался догнать поезд.

– То есть все было как обычно: последний свисток, паровоз тяжело трогается с места, набирает скорость, вагоны плывут мимо вас...

– Да, сударыня, все именно так и было. Паровоз шипел и плевался паром, вагоны стали удаляться от меня, и последний раз я увидел Сергея Васильевича, когда он сидел у окна купе и говорил с кем-то.

– Говорил?

– Да, он сидел, повернув голову, и явно обращался к кому-то. А что?

– С кем он мог говорить? Он ехал в купе один.

– Может быть, к нему зашел кондуктор?

– Зачем кондуктору входить в купе, если поезд еще не отошел от вокзала?

– Я не знаю, – удрученно пробормотал Елагин. – Я просто не обратил внимания... Мне казалось, это неважно...

– Вы видели, с кем говорил Сергей Васильевич?

– Нет, сударыня.

– Хотя бы очертания фигуры, не знаю, перья на шляпке, хоть что-нибудь...

– Но я не запомнил ничего такого... Я видел только Сергея Васильевича у окна, и то недолго, потому что поезд уже катил прочь.

Амалия нахмурилась. Что, собственно, следует из слов Виктора Ивановича? Что кто-то заглянул к Ломову в купе. Можно подыскать десятки причин для того, отчего кому-то понадобилось побеспокоить Сергея Васильевича. К примеру, один из пассажиров перепутал его со своим знакомым. Или обратил внимание на незанятое место, а в соседнем вагоне едет разлученный с семьей бедолага-кузен, и место в купе Ломова непременно облегчит воссоединение родственников. Почему бы и нет, ведь сама Амалия нередко сталкивалась с тем, как назойливы бывают люди, которые уверены, что имеют право решать свои проблемы за ваш счет. Или, к примеру, продолжала фантазировать баронесса Корф, кто-то из кондукторов заметил в коридоре багаж, загромождающий проход, ошибочно решил, что это багаж Сергея Васильевича, и обратился к нему...

Да, можно изобрести объяснения, одно правдоподобнее другого, но Амалия внезапно поняла, почему не верит ни одному из них. Елагин не заметил слезки, и Ломов, судя по словам своего спутника, тоже ее не заметил. Конечно, Виктор Иванович молод и вполне мог что-то упустить, но Амалия знала Ломова слишком хорошо и верила, что уж он-то не упустит бы ничего. Значит, слезки не было, а не было потому, что она не нужна, когда ты точно знаешь, что твой объект в определенный день и час сядет на поезд. Сергея Васильевича ждали уже в экспрессе, и в купе к нему заглянули, чтобы проверить, на месте ли он.

Амалия услышала, что Елагин обращается к ней, и повернулась к нему.

– Мне очень стыдно, сударыня, что я так вас разочаровал, – сокрушенно промолвил молодой человек.

– Что вы, Виктор Иванович, даже не смейте так думать, – вполне искренне ответила баронесса Корф. – Наоборот, вы очень мне помогли!

Глава 7

Первый секундانت

Даже самый незначительный успех окрыляет, и, узнав от Елагина, что Ломов разговаривал с кем-то в своем купе, Амалия почувствовала прилив сил. В сущности, разговор с молодым человеком являлся самой легкой частью намеченного ею плана; дальше могли начаться сложности, причем вместо слова «могли» баронесса Корф уверенно ставила «были должны». Но она не видела для себя другого выбора, кроме как сделать все возможное, чтобы эти сложности преодолеть.

Надев темный костюм в английском стиле и скромную шляпку с вуалеткой, Амалия отправилась на Шоссе д'Антэн, где проживали Руперт Хобсон и Джереми Скотт. Баронесса Корф предполагала, что оба джентльмена будут у себя, учитывая характер полученных ими травм, но она вовсе не была уверена, что они согласятся ее принять. Ее не удивило бы, если бы секунданты покойного Уортингтона отказали ей под каким-нибудь благовидным предлогом, и, отдавая свою визитную карточку коренастому шотландцу, слуге Хобсона, она мысленно приготовилась к худшему. Однако через минуту слуга вернулся и объявил, что мистер Хобсон ничего не имеет против разговора, если госпожа баронесса соблаговолит извинить то прискорбное обстоятельство, что он лежит в постели.

Возможно, в другом настроении Амалия не преминула бы съязвить, что она вообще ничего не имеет против мужчин, лежащих в постели; но ведь не для того же она сегодня так придирчиво выбирала одежду и гладко зачесывала волосы, чтобы одной неосторожной фразой разрушить образ правильной, слегка деревянной и довольно-таки чопорной леди. Поэтому она с достоинством ответила слуге, что, разумеется, она извиняет мистера Хобсона и вообще отдает должное широте его натуры, которая позволяет ему в его болезненном состоянии выкроить время для беседы с нею.

Проследовав за слугой, Амалия оказалась в просторной комнате, обставленной ничем не примечательной мебелью. Руперт Хобсон лежал на кровати, укрытый одеялом по грудь. Возле его правой руки баронесса Корф заметила небольшой томик и поняла, что до ее прихода он читал стихи Уильяма Блейка. На вид секунданту полковника было около сорока, и сейчас он выглядел не самым лучшим образом: лицо желтоватое, редкие русые волосы растрепаны, из воротника торчит тощая жилистая шея с выступающим кадыком. Но водянистые глаза казались умными и пронизательными, и мысленно Амалия приготовилась к тому, что разговор окажется нелегким. Жестом Хобсон отпустил слугу, и тот исчез, бесшумно притворив за собой дверь.

Амалия села на стул возле постели и произнесла несколько продиктованных приличиями фраз о том, что она слышала о мистере Хобсоне от общих знакомых и сочла своим долгом нанести ему визит. Ей очень жаль, что с ним произошло такое несчастье, но она все же надеется, что он поправится.

– О не беспокойтесь, госпожа баронесса, – ответил Хобсон с тонкой улыбкой. – Чтобы убить меня, нужно что-то посущественнее, чем вульгарная карета.

Амалия поймала себя на мысли, что будь на месте ее собеседника Ломов, он выразился бы точно так же. А Хобсон меж тем продолжал:

– Должен признаться, я не припомню, чтобы нас представляли друг другу. Вы, кажется, изволили упоминать неких общих знакомых...

– Я имела в виду мистера Ломова, – сказала Амалия. – Который заходил к вам несколько дней назад.

В сущности, она могла бы не говорить этого. Инстинкт, отточенный годами работы в Особой службе, говорил Амалии, что собеседнику отлично известно, кто она такая, и что он догадывается, почему она решила нанести ему визит. Вопрос был только в том, согласится ли он пойти ей навстречу и рассказать то, что ее интересовало.

– Ах да, мистер Ломов, – протянул Хобсон, не отрывая своих водянистых глаз от лица Амалии. – Кажется, у него когда-то случилось небольшое недоразумение с моим другом Джеральдом Уртингтоном?

– Весьма возможно, дорогой сэра, – сказала Амалия, с преувеличенной скромностью опуская длинные ресницы. – Мир полон недоразумений.

– О!

– Именно так.

– А мне казалось, мистер Ломов хотел его убить, – небрежно уронил Хобсон.

– Держу пари, это желание было взаимным, – заметила Амалия, метнув на собеседника быстрый взгляд.

– Возможно, но со стороны вашего знакомого оно было весьма опрометчивым, – отозвался Хобсон.

Судя по всему, этот словесный пинг-понг мог длиться бесконечно, и баронесса Корф поймала себя на мысли, что он стал ее раздражать. И еще она подумала, что если Хобсон так держался, несмотря на свои травмы, насколько же более неприятное впечатление он должен был производить в здоровом состоянии.

– Кто убил полковника Уртингтона? – спросила вслух Амалия, решив отбросить всякие околичности.

Хобсон озадаченно моргнул, но упрямство, которое читалось в его лице, никуда не делось.

– Я полагал, вы знаете, – промолвил англичанин с иронией. – Виконт Пьер де Ботранше.

– Нет, – покачала головой Амалия.

– Это был виконт де Ботранше. Дуэль...

– К черту дуэль, – отмахнулась Амалия, разом выходя из образа леди. – Вы отлично знаете, что там находился еще один стрелок.

У баронессы Корф не было глаз на затылке, но чутье редко ее подводило, и она готова была поклясться, что сейчас слуга за ее спиной бесшумно приотворил дверь и взглядом спрашивает у хозяина, не пора ли выставить незваную гостью за порог. Хобсон едва заметно покачал головой.

– Значит, вот зачем вы пришли, – сказал он Амалии с подобием улыбки на тонких губах. – Стало быть, это правда?

– Что именно?

– То, что говорят о мистере Ломове.

– А что о нем говорят?

– Разное.

– И все же?

– Кажется, он должен был приехать куда-то, но не приехал. По правде говоря, я запятовал, потому что мистер Ломов не слишком меня интересует.

Опустив глаза, Амалия увидела синяки на шее Хобсона под воротником пижамной рубашки. Судя по виду синяков, им было несколько дней, и молодую женщину разобрал смех. И как она не догадалась раньше, что Сергей Васильевич не стал тратить время на лишние разговоры с упрямым англичанином, а сразу приступил к делу?

– Что? – кисло спросил Хобсон, но от Амалии не укрылось, что он вздрогнул и переменялся в лице, услышав ее смех.

– Ничего, сэр, ровным счетом ничего! – ответила баронесса и засмеялась еще громче. Кровь бросилась в лицо Хобсону.

– Миледи, вы не обидитесь, если я попрошу вас уйти? Боюсь, что я переоценил свои возможности, согласившись вас принять.

– Там был еще один человек, – сказала Амалия, перестав смеяться и глядя в упор на собеседника. – Он выстрелил одновременно с виконтом де Ботранше и убил вашего друга. Ломов догадался об этом и стал искать стрелка. Теперь у него неприятности, и все из-за вас. Никто не просил его найти стрелка, он сам решил разобраться с убийцей Уортингтона. Но вам ведь все равно, не так ли? Что вы себе говорите – что вашего друга не воскресить, что случившееся не касается Ломова, что это вообще не наше дело? Стихи читаете, да? Ну и читайте дальше, раз вы ни на что больше не способны!

Резким движением она поднялась на ноги. Слуга уже стоял возле двери, распахнув ее настежь.

– Пойдите, миледи, – сказал Хобсон, и Амалия, к удивлению своему, увидела, что он нервничает. – Я не знаю, почему мистер Ломов решил, что там был еще один стрелок. Дело в том, что перед началом дуэли я осмотрел все поблизости и убедился, что... Ну, словом, что никто нам не мешает. И я готов поклясться, что там не было никакого другого стрелка.

То, что говорил англичанин, меняло все дело, разумеется, при условии, что он не лгал. Но баронесса Корф слишком хорошо знала правила игры и знала, что в их профессии правда – роскошь, которую мало кто может себе позволить. Никто и никогда не говорит ее целиком, и уж тем более – представителю конкурирующей службы.

– Скажите, мистер Хобсон, почему вам вообще пришло в голову осматривать прилегающую территорию? – спросила Амалия.

– Это входило в мои обязанности.

– У вас были сведения, что... что некий знакомый виконта что-то готовит? Допустим, знакомый по фамилии Ашар.

– Ступайте, Джеймс, – сказал Хобсон слуге, который по-прежнему стоял в дверях. – Я позову вас, если вы мне понадобится.

Слуга исчез, словно его тут и не было. Амалия села на прежнее место.

– Что касается вашего вопроса, миледи, – негромко проговорил Хобсон, разглаживая какую-то складку на одеяле, – то я, пожалуй, признаюсь сразу: меня бы не очень удивило, если бы мсье Ашар разместил поблизости целую роту стрелков. Фантазия у него, прямо скажем, небогатая.

– Вот как?

– Да. Поэтому я был очень внимателен.

– И вы ничего не заметили, вас ничто не насторожило...

– Нет, миледи.

– Вы сказали Ломову, что осматривали лес рядом с местом дуэли? – спросила баронесса Корф.

– Мне пришлось. – Хобсон недовольно поморщился и непроизвольно дотронулся до шеи.

– Но он вам не поверил?

Англичанин развел руками.

– Думаю, нет. И вы – вы сейчас мне тоже не верите.

– Видите ли, сэр, – заговорила Амалия, тщательно подбирая слова, – если вы не правы, а Ломов прав и Уортингтона убил другой стрелок, тогда исчезновение моего коллеги обретает смысл. В противном случае...

– Миледи, прошу меня поправить, если я заблуждаюсь, – с необычной для него кротостью промолвил Хобсон, – но, учитывая богатое прошлое мистера Ломова, очередь из жела-

ющих его прикончить может выстроиться... – он сдвинул брови, припоминая географию чужой страны, – ну хотя бы от Петербурга до Москвы.

– Дорогой сэ, – строго заметила Амалия, – я нахожу ваше замечание крайне обидным для моего друга мистера Ломова. Уверена, сам он не согласился бы на меньшее, чем очередь от Петербурга до Владивостока.

– О! – Англичанин испустил конфузливый смешок.

– Именно так, мистер Хобсон.

– Но тогда вы тем более должны признать, миледи, что случившееся с мистером Ломовым вовсе не обязательно должно быть связано с... с дуэлью.

– Мистер Хобсон, скажите мне, только честно: вас не настораживает, что человек, едва умеющий стрелять, убил вашего друга Уортингтона? Вы считаете, что то, что с ним произошло, в порядке вещей?

Прежде чем ответить, англичанин долго молчал.

– Была дуэль, миледи, – произнес он наконец. – Это все, что я могу сказать.

– Хорошо, – проговорила Амалия. – Расскажите мне о визите Ломова, ничего не опускайте.

– Я принял его, но в мои планы вовсе не входило обсуждать с ним смерть Джеральда Уортингтона, – буркнул Хобсон. – Я был уверен, что мистер Ломов... что он не откажет себе в удовольствии позлорадствовать.

– И когда вы поняли, что он вовсе не рад смерти вашего друга, а скорее даже наоборот, вы насторожились, не так ли?

– Скажем так, миледи: мне показалось это странным. Я попытался его выпроводить, но ваш друг не из тех, кто уходит, не получив ответы на свои вопросы. – Хобсон снова дотронулся до шеи и поморщился.

– О чем он вас спрашивал?

– Все его вопросы были об одном и том же: мог ли кто-то подобраться незамеченным и убить Уортингтона. Не видел ли я какую-нибудь подозрительную вспышку, не слышал ли звук от двойного выстрела, и тому подобное.

– А вы ничего такого не заметили?

– Миледи, я сто раз думал об этом еще до прихода мистера Ломова. И я все же вынужден ответить: нет, нет и нет. Поймите, там был не только я – там находились и Джереми Скотт, и доктор, и еще двое секундентов противника – граф де Ранси и лейтенант Форже, и наш кучер ждал в карете неподалеку. Конечно, мы были поражены исходом дуэли, поражены до глубины души, но... ни тогда, ни позже никто не сомневался, что стрелял именно виконт.

– Скажите, а секунденты виконта де Ботранше тоже были удивлены исходом дуэли?

– Миледи, мы ведь говорим о французах, – усмехнулся Хобсон. – Когда первый порыв удивления прошел, они стали жать руку виконту, который от ужаса еле стоял на ногах, и наперебой уверяли, что всегда верили в него и знали, что он не подведет. Виконт никак не мог взять в толк, что убил противника, он все время спрашивал, что можно сделать для Джеральда. Когда доктор в сотый раз повторил ему, что полковник Уортингтон мертв, виконт подошел посмотреть на тело и упал в обморок.

Амалия хорошо помнила, что произошло после того, как дуэль, в сущности, окончилась, и пересказ англичанина ее интересовал лишь с точки зрения точности передаваемых им деталей. Если он не солгал здесь, возможно, он говорил правду и раньше.

– А второй кучер? – спросила баронесса Корф.

– Что? – Хобсон озадаченно уставился на нее.

– Вы упоминали вашего кучера, а ведь противники должны были явиться со своим. Что он делал во время дуэли?

– Да, там был второй кучер, француз, но простите меня, миледи, подозревать его в чем-то просто нелепо. Все время, пока шла дуэль, он болтал с нашим кучером.

– О чем?

– У слуг всегда найдется, о чем поговорить, – усмехнулся Хобсон. – Кажется, они обсуждали, кому больше платят. Еще сравнивали преимущества жизни в Лондоне и Париже.

– Как зовут кучера? Француза, не вашего.

– Не помню, – недовольно ответил англичанин. – Кажется, Матье... Матье Эпиналь, вот.

– А как имя доктора?

– Доктор Монруж. Огюст Монруж. Почему вы спрашиваете? Имя доктора было указано в газетах. Это известный и весьма уважаемый человек.

– Искать старые газеты чертовски скучно, – ответила Амалия с ослепительной улыбкой. – Я задам вам еще один вопрос, мистер Хобсон. Вы не обязаны на него отвечать, но мне все же хотелось бы, чтобы вы ответили. Вопрос, собственно, такой: среди ваших посетителей за последние дни был ли кто-то, кто особенно интересовался тем, что вы сказали Ломову?

– Разумеется, был, – усмехнулся англичанин.

– И кто же?

– Вы, миледи.

– А еще?

– Из посторонних – никого, – с нажимом ответил Хобсон.

Значит, он докладывал о визите Ломова своему начальству. Но ничего особенного в этом не было, более того – он был обязан сообщить о посетителе, который вдобавок ко всему взял его за горло, чтобы получить нужные сведения.

– Полагаю, я должна извиниться за поведение мистера Ломова, – начала Амалия.

Хобсон усмехнулся.

– Не утруждайтесь, миледи. Полагаю, Джеральд был бы в восторге, если бы видел, как его враг рвется расследовать его гибель. Полковник всегда говорил, что жизнь полна сюрпризов и в ней ни в чем нельзя быть уверенным. Увы, сюрприза, который ему преподнес французский химик, он предвидеть не смог.

Говорить больше было не о чем. Амалия попрощалась с хозяином, пожелала ему скорейшего выздоровления и отправилась навестить Джереми Скотта.

Глава 8

Второй секундант

– Не думаю, миледи, что мистер Скотт сможет вас принять, – сказал старый слуга, держа двумя пальцами карточку Амалии так, словно это было нечто заразное. – Мой хозяин серьезно пострадал в результате несчастного случая, и доктор предписал ему полный покой, а о каком покое может идти речь, когда к нему то и дело ходят посетители и трезвонит телефон! – Слово «телефон» слуга произнес с особенным отвращением, но именно оно подсказало Амалии, как ей себя вести.

– Я знаю, что мистер Хобсон звонил, – сказала она. – Он должен был предупредить о моем приходе. Обещаю, я не отниму у вашего хозяина много времени.

Слуга мрачно посмотрел на посетительницу сверху вниз (он был немолод, поразительно худ и больше чем на голову выше ее), но лицо Амалии излучало такую безмятежную уверенность, что старик покорился и вышел, шаркая ногами. Через несколько минут он вернулся и пригласил баронессу следовать за собой.

Джереми Скотт уже попал в поле зрения Амалии, когда она следила за дуэлью со своего наблюдательного пункта на дереве. Он показался ей молодым – лет двадцати пяти или около того, но теперь, видя его лицо, обращенное к ней с подушек, она убедилась, что ему и того меньше, и сердце у нее сжалось. Слишком велик был контраст между его юностью и тем особенным выражением, какое появляется у человека после того, как смерть погладила его по голове, постояла рядом и скользнула прочь. Амалия знала, что Джереми Скотт пострадал куда больше своего коллеги, знала и то, что врачи до недавнего времени опасались за его жизнь. Вероятно, он не будет ходить, а раз так, получается, что до конца своих дней он останется калекой. Разумеется, секретная служба выделит ему пенсию, но Амалии было отлично известно, что сломанные агенты, как и сломанные игрушки, никому не нужны и что пенсии хватит только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Слуга придвинул к постели небольшое кресло, и гостя села. Забрав стоявший на столе поднос, старик удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.